

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

К 100-летию со дня рождения Котэ Марджанишвили

В 1922 году из России на родину возвратился Котэ Марджанишвили. Уже тогда для нас, молодых актеров грузинского театра, это имя было овеяно легендой. Мы знали: нам предстояла встреча с человеком, для которого служение искусству было работой на революцию. Участие в митингах против самодержавия, место бойца в боевых дружинах 1905 года и — страстный призыв революционизировать театр. Поборник острой гражданской ответственности в искусстве, он и в личной жизни всегда оставался верен своим творческим принципам. Жажда высокой идейности репертуара привела его к драматургии Горького и Чехова. Работая в Харькове, он организовал «Товарищество», защищавшее право актеров. В Одессе в годы реакции поставил спектакль «Гибель «Надежды», и со сцены прозвучала «Марсельеза». После Октября одним из первых обратился к классике, осмысливая ее с партийных позиций. В осуществленной в Киеве в 1919 году постановке «Овечьего источника» Лопе де Вега прозвучали пафос и героика революционной эпохи.

И вот — возвращение до-

мой. Ему предстоит возглавить и повести за собой театр, рождавшийся в гуще жизни новой Грузии, которая всего год назад стала советской. Первое, что мы услышали от него: искусство «должно быть так же велико, как и наша современность». И вокруг Марджанишвили сплотились люди, принявшие эту программу. Такого единства мыслей, чувств, такой спайки актеров разных поколений грузинский театр не знал никогда. Впервые на подмостках грузинской сцены появились спектакли, где актерский ансамбль, декорация, музыка, свет — все было подчинено единой воле, единой мысли, вскрывающей идею произведения. Жизнерадостность, жизнеутверждение внес Марджанишвили в грузинский театр.

Марджанишвили приехал в Грузию с огромным опытом прошедших лет. Бесконечно дорога ему была русская культура, служению которой он отдал многие годы. И вот что характерно — будучи художником ярко национальным, он провозглашал: «Чем больше оригинальных путей в развитии культуры, тем больше человечество будет гордиться

своими достижениями». Он словно бы олицетворял собой единение культур, столь обогащавшее наше искусство. Никогда не забуду его вдохновенных рассказов о Станиславском, Немировиче-Данченко, Качалове, обо всей великой плеяде МХАТа.

Традиции, созданные замечательными грузинскими актерами прошлого, опыт русской сцены и то, что каждый день рождала новая эпоха, — вот фундамент, на котором Марджанишвили строил новый театр.

Его репетиции я любила больше всего, и он их любил больше, чем спектакли, потому что именно процесс создания спектакля был его стихией. В репетициях с особой силой и наглядностью проявлялись его огромный талант и великое мастерство и то, как он любил актера, и то, как он мог ненавидеть его.

...Вот Константин Александрович сидит на стуле с подогнутой ногой, чуть подавшись вперед, с неизменной папирсой в руке и жадно, пристально глядит на актера. И каким счастьем было для каждого из нас, когда в этих горящих глазах вдруг заблестит слеза и он громко, взволнованно выразит свою радость.

Помню такой случай. Идет

репетиция. Я — на сцене, Марджанишвили — в зале. Вдруг он прерывает репетицию, требует полного света, взбегает на сцену, обнимает меня, заливается счастливым смехом. Что-то ему очень понравилось, взволновало его — я была на седьмом небе. Через несколько дней прошла премьера. Утро после премьеры Марджанишвили всегда разбирал спектакль. Я опоздала к началу обсуждения. Как только я вошла в театр, мне сказали: «Не ходи туда, Константин Александрович страшно злой, ругает тебя нещадно». Я была поражена. Ведь сам Котэ признал, что я хорошо играла. Вхожу в зал. Константин Александрович устался на меня: «Вот она сама, явилась, гастролерша, что вчера играла. Самолюбованием занималась: глядите, мол, на меня, как я замечательно играю. Чего мне волноваться, ведь Марджанишвили был в восторге от моей игры». И пошло, и пошло! Я смертельно оскорбилась. И только позже поняла, как он был прав. Я действительно старалась «делать» на сцене только то, что понравилось однажды Константину Александровичу. А он требовал от нас творчества, каждодневного, ежечасного.

Помню, поручив мне роль Офелии в «Гамлете», он мно-

го рассказывал о ней. В сцене сумасшествия он мыслит Офелию все время смеющейся. Смех был как бы фоном, на котором строился весь узор этой сцены. Я тотчас же поняла, что со смехом у меня ничего не получится — сказала, что не могу смеяться, не умею, не такой чувствую Офелию. Котэ долго не репетировал эту сцену, но однажды, когда он был в великолепном настроении, то предложил мне прорепетировать ее так, как мне хочется. Я очень волновалась, и от волнения с первых же слов у меня хлынули слезы. Константин Александрович счастливо рассмеялся: «Вот так и будешь играть!..»

Марджанишвили сформулировал требования, лежащие в основу воспитания поколений и поколений грузинской театральной молодежи. Мало обладать пластической выразительностью и тренированным аппаратом говорил он, актер — выразитель идей своей эпохи. А для этого он должен быть высокообразованным человеком, интеллектуалом, разбужающимся в проблемах и запросах времени.

Я всегда гордилась и буду гордиться тем, что моим учителем был Марджанишвили, как гордятся этим все, кому посчастливилось работать с ним, кто и сегодня, храня его заветы, приумножает достижения нашего искусства.

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ,
народная артистка СССР.

Национальная библиотека
г. Москва

9 ИЮН 1972